

31461, 4

XIV.

2042

3-й изд.

1905.

4254315

ОБРАЗОВАНИЕ.

ЖУРНАЛЬ

Литературный,

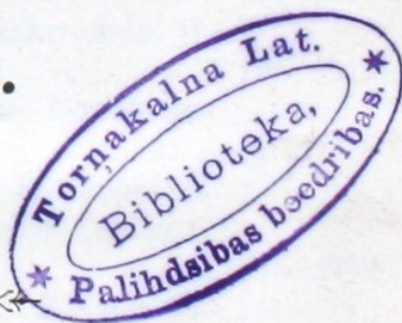
научно-популярный

и педагогический.

№ 15822.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Воллѣра: Разъѣзжая, 15.

1905.

О деклараціи правъ человека и гражданина.

(По поводу изданія проф. Блюма съ предисловіемъ Компэре).

I.

Недавно вышла вторымъ изданіемъ французская книга профессора Blum'a съ предисловіемъ извѣстнаго и у насъ ученаго Компэре, предлагающая интересный комментарий къ знаменитой „Деклараціи правъ человека и гражданина“ и систематическое толкованіе отдѣльныхъ пунктовъ этого трактата. Теперь еще появилась въ прекрасномъ русскомъ переводѣ и общедоступномъ популярномъ изданіи книжка гейдельбергскаго профессора Еллинека („Декларація правъ человека и гражданина“, М. 1905 г.). Книги Блюма и Еллинека прекрасно другъ друга дополняютъ, ибо Еллинекъ обстоятельно останавливается на выясненіи, такъ сказать, историко-литературнаго происхожденія каждой статьи деклараціи 1789 года,—а Блюмъ переноситъ центръ своего вниманія на политико-философское истолкованіе этого акта. Нужно замѣтить, что Блюмъ, подобно едва ли не всѣмъ французскимъ изслѣдователямъ, не обнаруживаетъ склонности отказаться отъ традиціоннаго взгляда на декларацію, какъ на духовное дѣтище, главнымъ образомъ, просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Взглядъ Еллинека, какъ извѣстно, рѣзко расходится съ традиціей: нѣмецкій изслѣдователь видитъ источникъ деклараціи въ пунктахъ аналогичныхъ „Декларацій правъ“, принятыхъ отдѣльными штатами Сѣверной Америки въ эпоху борьбы за независимость. Безспорно, мнѣніе Еллинека обосновано имъ весьма серьезно и доказательно. Онъ сличаетъ пункты французской деклараціи съ пунктами биллей Виргиніи, Массачузетса, Мериленда, Нью-Гампшира, Пенсильваніи—и сходство обнаруживается

не только въ содержаніи, но отчасти и въ формѣ выраженія. Еллинекъ дѣлаетъ, впрочемъ, необходимую оговорку: „само собою разумѣется, что французская декларація не подражала рабски американскимъ, хотя бы потому, что политическія условія Франціи въ 1789 году были совершенно иныя, чѣмъ въ Америкѣ въ 1776 году. Воспринимая чужія учрежденія и законы, каждый народъ претворяетъ чужую мысль, примѣняя ее къ своимъ національнымъ особенностямъ“. Еллинекъ, быть можетъ, заслуживаетъ упрека лишь въ томъ, что у него совершенно остается въ тѣни существенно-важный вопросъ о непосредственномъ вліяніи французской дѣйствительности на декларацію 1789 года. Декларация 1789 года *всегда* окажется освѣщенной односторонне, если соблюсти методъ Еллинека такъ исключительно, такъ безоглядно, какъ онъ его соблюдаетъ. Этотъ упрекъ не имѣлъ бы мѣста, если бы Еллинекъ въ своей книжкѣ подробнѣе развилъ мысль, высказанную въ вышеприведенной цитатѣ, а не ограничился бы брошенною вскользь фразою о „совершенно иныхъ“ политическихъ условіяхъ Франціи въ 1789 году сравнительно съ Америкой. Книга Блюма восполняетъ отчасти этотъ пробѣлъ въ изслѣдованіи нѣмецкаго профессора. Обратимся къ Блюму. Въ настоящей замѣткѣ мы предполагаемъ отмѣтить наиболѣе существенное, что есть въ предисловіи и комментаріяхъ Blum'a по поводу памятника, соединяющаго въ себѣ широту, увлекательную поэзію безбоязненной, далеко смотрящей впередъ политико-философской концепціи съ точностью и законченностью, простотой и ясностью законодательнаго акта. Выработанная индивидуалистическою эпохою, „Декларация“ въ существенныхъ чертахъ поддерживалась и поддерживается какъ индивидуалистами, такъ и людьми, которые являются прямыми противниками индивидуализма: это есть минимумъ общечеловѣческихъ принциповъ, которые объединяютъ разныя партіи. И дѣйствительно, мы знаемъ, что большинство тезисовъ „Декларации правъ“, хотя и не полностью, съ видоизмѣненіями, легли въ основаніе положительныхъ законодательствъ западной Европы.

Какъ извѣстно, впервые „объявленіе правъ человѣка и гражданина“ было торжественно провозглашено національнымъ собраніемъ во Франціи 26-го августа 1789 года и затѣмъ оно вошло, въ видѣ начальныхъ пунктовъ, въ конституцію, утвержденную Людовикомъ XVI 14-го сентября 1791 года. Компэръ совершенно правильно замѣчаетъ, что этотъ памятникъ по всему тому, что въ немъ отрицается и осуждается, есть какъ бы страница исторіи прошлаго. „Въ каждой изъ его фразъ слышатся отзвуки несправедливостей и бѣдствій стараго режима. Когда „Декларация“ утверждаетъ право свободы совѣсти, она вызываетъ въ воображеніи скорбныя воспоминанія объ инквизиціи, о варееоломеевской ночи, о всей нетерпимости, отъ которой страдали люди.

Когда она провозглашаетъ свободу мысли, какъ не вспомнить о преслѣдуемомъ, изгнанномъ Руссо, объ „Эмилѣ, сожженномъ рукою палача?“ „Декларация“ есть какъ бы отрицаніе всѣхъ заблужденій, всѣхъ ошибокъ, всѣхъ посягательствъ, которыя слишкомъ долго были возможны благодаря незнанію, забвенію или презрѣнію человѣческихъ правъ,—она есть отвѣдъ вѣчной справедливости—вѣковымъ злоупотребленіямъ. Нѣтъ ни одной изъ ея статей, которую хорошо освѣдомленный историкъ не могъ бы, такъ сказать, иллюстрировать, напомнивъ цѣлыя вереницы насилій надъ правомъ, вымогательствъ, мученій, всевозможныхъ угнетеній“.

Во введеніи къ „Декларациі“ члены національнаго собранія заявляютъ о своемъ рѣшеніи изложить въ этомъ документѣ „естественныя, неотчуждаемыя и священные права человѣка“, чтобы „Декларация“ постоянно напоминала имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; чтобы причина ихъ рѣшенія была вполне ясна, представители французскаго народа заявляютъ, что „незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ несчастій и порчи правительствъ“. Какъ вполне правильно заявляетъ комментаторъ, такое провозглашеніе въ торжественной формѣ общихъ руководящихъ принциповъ, являлось въ это время далеко не лишнимъ: король и его окружавшіе не имѣли въ сущности почти ничего общаго съ политическимъ идеаломъ всего мыслящаго общества, съ жгучими стремленіями нищаго и голоднаго народа. Представители націи еще до взятія Бастиліи возымѣли намѣреніе ясно подчеркнуть, что въ своихъ дѣйствіяхъ они будутъ исходить совсѣмъ изъ другихъ принциповъ, нежели король, даже въ самыя благожелательныя свои минуты, или его совѣтники, даже наиболѣе либерально настроенные. Уже 11-го іюля 1789 года Лафайетъ внесъ проектъ „Декларациі естественныхъ правъ человѣка“. Идея была живо поддержана,—при этомъ указывалось на то, что и не задолго до 1789 года возникшая американская республика включила въ свою конституцію подобное же провозглашеніе общихъ началъ. Но на что могли опереться французскіе законодатели? Конечно, не на историческія права французскаго народа, ибо ихъ не было, и рѣшительно всякое злоупотребленіе могло держаться либо на основаніи своей древности, либо потому, что королю было такъ угодно. Естественное право, какъ его понималъ и толковалъ Руссо, прирожденное, вытекающее изъ природы человѣка право на свободу,—таковъ былъ главный принципъ, послужившій фундаментомъ для „Декларациі“. Придворная партія не хотѣла принять эти новые убійственныя для нея принципы, и Людовикъ XVI, признавая, что „Декларация“ содержитъ весьма хорошія правила, тѣмъ не менѣе укло-

¹⁾ Изд. Alcan („La declaration des droits de l'homme & du citoyen“).

нился отъ ея принятія на томъ основаніи, что въ ней есть принципы, подверженные „различнымъ истолкованіямъ“. На это устами Баррера собраніе отвѣтило слѣдующее: „Нужно отличать „Декларацію правъ“ отъ статей конституціи, „Декларація“ не нуждается со стороны короля въ принятіи; права людей предшествуютъ правамъ правящихъ... „Декларація правъ“ должна быть только опубликована королемъ“. Было рѣшено отправить къ королю депутацію. Какъ разъ въ это время произошелъ походъ парижской толпы въ Версаль, и депутація ея миссія удалась вполне: король принялъ выработанные конституціонные пункты и приказалъ обнародовать независимо отъ этого „Декларацію правъ“.

„Декларація“ по мысли и желанію законодателей должна была сдѣлаться „національнымъ катехизисомъ“, и дѣйствительно, несмотря на всѣ превратности, пережитыя Франціей, Декларація оставалась и остается краеугольнымъ камнемъ всякаго политическаго воспитанія въ этой странѣ. Даже режимы и партіи, ничего общаго съ ея принципами не имѣющіе, старались всегда какъ-нибудь приспособиться къ наиболее популярнымъ ея тезисамъ. Въ Франціи „Декларація правъ“ совершала и совершаетъ свое побѣдное шествіе, и въ самыхъ отсталыхъ странахъ ея принципамъ противопоставлялся уже не та или иная система противоположныхъ взглядовъ, а чаще всего противодѣйствіе силою, безъ аргументаціи.

II.

„Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ имѣть основаніемъ только лишь общую пользу“, такъ гласитъ первая статья „Деклараціи“. Слово „остаются“ имѣетъ здѣсь особое значеніе. Законодатели признаніемъ, что люди не только рождены, но и всю жизнь должны оставаться свободными, вносили весьма серьезное ограниченіе въ теорію общественнаго договора: свобода въ ихъ глазахъ являлась (какъ и равенство) благомъ неотчуждаемымъ въ пользу государства ни при какихъ обстоятельствахъ.

Если правильно то общее положеніе, что „Декларація“ есть властное и рѣзкое отрицаніе стараго порядка во Франціи, то, конечно, наиболее типичною ея статьею является вторая: „Цѣлью всякой политической ассоціаціи является охраненіе естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“. Старый порядокъ былъ именно и построенъ весь на совершеннѣйшемъ непризнаніи за населеніемъ какихъ бы то ни было правъ. Напротивъ, объ обязанностяхъ вѣрноподданныхъ касательно правительства проповѣдывалось въ церквахъ и монастыряхъ, о томъ же

предметъ толковали съ раздраженіемъ интенданты и ихъ подручные въ отвѣтъ на жалобы обремененныхъ плательщиковъ податей, на обязанностяхъ населенія была построена вся идеологія французскаго дореволюціоннаго строя. Въ Версали и Парижѣ—крошечная кучка хищниковъ, ихъ слугъ, любовницъ, и любовниковъ этихъ любовницъ, а вокругъ—двадцать милліоновъ людей, все существованіе которыхъ громогласно и торжественно признается одною сплошною и многообразною обязанностью по отношенію къ этой кучкѣ: таково было построеніе Боссюэ и его подражателей и послѣдователей. Подобный взглядъ страшно возмущалъ публицистовъ просвѣтительной эпохи,—именно потому, что во Франціи безмятежная ясность этого принципа даже рѣдко и затемнялась фразами о монархѣ „первомъ слугѣ государства“. Объявляя *цѣлью* всякаго общества охрану человѣческихъ *правъ*, „Декларация“ пересчитываетъ эти права. Первое—свобода, о которой не могло быть и рѣчи при старомъ режимѣ. Второе—собственность,—и это утвержденіе направлено непосредственно *не* въ сторону неимущихъ, *не* противъ низшихъ слоевъ народа,—а противъ тѣхъ ловкихъ теоретиковъ, которые еще при Людовикѣ XIV и съ полнаго его одобренія заявляли, что король—*верховный собственникъ* всего имущества подданныхъ, и что подданные распоряжаются своимъ имуществомъ только по соизволенію и милости монарха: произвольныя подати, вѣчно изобрѣтаемые новые налоги, грабежи и вымогательства фиска и его крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, сажаніе въ Бастилію назойливыхъ кредиторовъ, неосторожно требовавшихъ уплаты по векселю съ лицъ, которыя могли достать *lettre de cachet*,—все это и въ XVIII вѣкѣ продолжало служить живою иллюстраціей къ возрѣнію на частную собственность, какъ на временную королевскую милость. О собственности казенной—и говорить не приходится; ее не обворовывалъ обыкновенно только тотъ изъ близко къ ней стоявшихъ, кому лѣнь было протянуть руку. Третье изъ пересчитанныхъ правъ, являющихся *цѣлью* всякой государственной организаціи, есть право гражданина на безопасность. Обезпеченность личности совершенно не существовала во Франціи до 1789 года, и главнымъ врагомъ ея были не частные люди, преступно лишаящіе своихъ ближнихъ свободы, но само правительство и его клевреты. Иногда лицамъ, безъ допроса, безъ объясненія посаженнымъ въ тюрьму, приходилось послѣ долгаго заключенія выходить оттуда, совершенно недоумѣвая о причинахъ ареста; впрочемъ, когда о причинахъ и можно было знать или догадываться,—все равно никакихъ законныхъ средствъ борьбы и самозащиты не существовало. По возрѣніямъ Гоббеса—и достиженіе безопасности мыслимо для людей только, если они откажутся отъ весьма существенныхъ благъ въ пользу Левиаѳана—государства; по мысли законодателей національнаго собранія безопасность гражданъ во-

все не требуетъ съ ихъ стороны отказа отъ другого великаго блага—свободы,—причемъ и самое-то государство призвано въ равной мѣрѣ защищать и безопасность, и свободу составляющихъ его членовъ. Четвертое, гарантируемое „Декларацией“ право, есть право сопротивляться угнетенію.

III.

Третья статья „Декларациі“ гласитъ: „Принципъ всякаго суверенитета пребываетъ, по существу, въ націи; никакое собраніе, никакое лицо не можетъ пользоваться властью, которая не исходила бы именно отъ націи“.

И здѣсь тоже мы видимъ рѣшительный разрывъ съ прошлымъ, съ главнымъ камнемъ того „исконнаго“ фундамента, который Франція съ такой рѣшимостью разрушила и разметала. Людовикъ XIV, конечно, нисколько не сомнѣвался, что управляетъ страной по непосредственному полномочію неба; но уже во время споровъ по поводу его завѣщанія регентъ, герцогъ Орлеанскій, такъ же, какъ и его противники, „усыновленные“ принцы, исходили въ своей аргументаціи не изъ теоріи божественнаго происхожденія королевской власти, а изъ мнимыхъ цѣлей, какими руководился французскій народъ, „вступая въ договоръ“ съ династіей. Конечно, это ничуть не помѣшало, какъ только воцарилась тишина и спокойствіе, снова вернуться къ старымъ доктринамъ и снова провозглашать ересью всякую попытку ихъ критики. Національное собраніе, объявляя коллективную волю націи единственной и суверенной властью, дѣлаетъ народный суверенитетъ неотчуждаемымъ ни въ чью пользу благомъ, а всякія попытки, направленные къ передачѣ этого суверенитета въ однѣ руки, по самому смыслу разбираемаго акта являются преступными узурпаціями и посягательствами. Комментаторъ видитъ одно изъ многочисленныхъ преимуществъ новой доктрины предъ взглядами Людовика XIV въ томъ обстоятельствѣ, что суверенная воля націи непременно должна опираться (и не можетъ не опираться) на общепонятные резоны и общепринятые побужденія и основанія, почему и ея дѣйствія всегда являются такъ или иначе мотивированными, а при старомъ режимѣ никакихъ мотивировокъ не требовалось...

Слѣдующіе пункты „Декларациі“ развиваютъ общія положенія первыхъ трехъ. Въ пунктѣ 4-мъ читаемъ: „Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другому; итакъ, пользованіе естественными правами каждаго человѣка встрѣчаетъ только тѣ границы, которыя обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же самыми правами; эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ“. Дальше у законода-

телей собранія звучить нота, которая сразу напоминаетъ, что они *еще не привыкли*, еще не могутъ считать всегда законъ выраженіемъ суверенной воли націи; что они считаютъ небезполезнымъ, при существовавшихъ еще тогда порядкахъ, подчеркнуть, какъ можно яснѣе свое требованіе ко всѣмъ гражданамъ: ревниво оберегать свои „естественныя права“ отъ какихъ бы то ни было покушеній произвола, прикрывающихся законными формами. Вотъ что говоритъ пунктъ 5-ый: „Законъ имѣетъ право воспрепятствовать только дѣйствіямъ, вреднымъ для общества. Всею тому, что не воспрещено закономъ, не можетъ быть поставлено препятствій, и никто не можетъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не приказываетъ“. Чѣмъ же долженъ быть законъ? На это отвѣчаетъ пунктъ 6-ой: „Законъ есть выраженіе общей воли; всѣ граждане имѣютъ право содѣйствовать его составленію лично или черезъ своихъ представителей; законъ долженъ быть однимъ и тѣмъ же для всѣхъ, защищаетъ ли онъ или наказываетъ. Всѣ граждане, будучи въ его глазахъ равными, равно допустимы ко всѣмъ государственнымъ санамъ, мѣстамъ и должностямъ, сообразно съ ихъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ обусловливаемыхъ ихъ добродѣтелями и талантами“.

Коренная мысль Жанъ-Жака Руссо находитъ себѣ здѣсь отчетливое выраженіе, хотя напр., Еллинекъ совершенно правъ, когда онъ указываетъ на логическую несовмѣстимость требуемаго Жанъ-Жакомъ Руссо безграничнаго авторитета народной воли съ признаніемъ неотчуждаемости правъ личности. Но исторія переживавшагося тогда Франціей момента *внушила* такую редакцію этихъ статей, что всѣ непоследовательности были скрашены и сглажены. Законъ, продуктъ народной воли, по духу и смыслу деклараціи оказался необходимымъ палладіумомъ вольностей человѣка и гражданина; а о томъ, что онъ можетъ стать во враждебное отношеніе къ „неотъемлемымъ“ правамъ, — въ 1789 году думалось мало. Законодатели собранія признавали совершенно немыслимымъ всенародное вотированіе всѣми милліонами населенія Франціи всѣхъ законовъ, — и однако они сочли своимъ долгомъ ввести эту фразу... „всѣ граждане имѣютъ право содѣйствовать составленію закона лично или черезъ своихъ представителей“, — чтобы яснѣе иллюстрировать принципъ народного суверенитета: техническая неосуществимость *личнаго* участія въ законодательствѣ всѣхъ гражданъ заставить прибѣгнуть къ представительству, но пусть они не забываютъ, что, все равно, каждый изъ нихъ имѣетъ право такъ или иначе принять участіе, хотя бы и косвенное, посредствомъ выборовъ въ составленіи новыхъ законовъ и отмѣнѣ или измѣненіи старыхъ.

Доктрина Жанъ-Жака Руссо требовала, чтобы избранные народа были только его „коммиссарами“, и ничего не рѣшали бы окончательно. „Всякій законъ, не ратификованный народомъ“

лично,—недѣйствителенъ: это не законъ“. Требованіе всенародной ратификаціи до весьма серьезной степени осуществлено теперь въ Швейцаріи въ видѣ референдума, но во Франціи попытки осуществленія его были безуспѣшны, и, напр., желаніе конвента больше приблизиться къ мысли Руссо, нежели это сдѣлало національное собраніе, осталось, въ сущности, нереализованнымъ въ жизни. „Плебисциты“ временъ обѣихъ имперій,—конечно есть лишь пародія на референдумъ. Будущее покажетъ, дѣйствительно ли введеніе референдума въ большой державѣ трудно осуществимо, но и въ день, когда это осуществится, никто не вправѣ будетъ сказать, что „Декларация“ оставлена позади: текстъ вышеприведеннаго пункта это доказываетъ.

Законъ, какъ выраженіе воли націи, какъ палладіумъ всѣхъ правъ человѣка и гражданина, святъ, и его нарушеніе должно нелицепріятно караться. Но за его нарушенія караетъ государство, пуская въ ходъ самыя грозныя свои средства. Какъ же обезпечить личность гражданина отъ возможныхъ злоупотребленій и насилій со стороны представителей власти? Какъ совмѣстить охраненіе закона съ обезпеченностью интересовъ заподозрѣннаго въ его нарушеніи? Статьи 7, 8 и 9-я желаютъ намѣтить общіе принципы, какими надлежитъ въ этомъ смыслѣ руководствоваться. Седьмая статья гласитъ: „Никакой человѣкъ не можетъ быть обвиненъ, арестованъ или задержанъ иначе какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и сообразно формамъ, которыя закономъ предписаны. Тѣ, которые ходатайствуютъ о произвольныхъ приказахъ, тѣ которые отдають, исполняютъ или заставляютъ исполнять (произвольные приказы) должны быть наказаны: но каждый гражданинъ, призванный или арестованный въ силу закона, долженъ тотчасъ повиноваться; оказывая сопротивленіе, онъ совершаетъ вину“. Руководящій принципъ для уголовного законодательства данъ въ 8-й статьѣ: „Законъ долженъ устанавливать лишь наказанія, строго и явно необходимыя, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго до преступленія, и законнымъ образомъ примѣненнаго“. Но между арестомъ и наказаніемъ проходитъ промежутокъ времени, когда подсудимый скрытъ отъ друзей, родныхъ, отъ глазъ общества, и находится въ рукахъ властей. Декларация въ 9-й статьѣ указываетъ на смыслъ предварительнаго заключенія, а въ 1789 году это вовсе не звучало такимъ трюизмомъ, какъ теперь; хотя и теперь это можетъ кое-гдѣ, по крайней мѣрѣ, назваться трюизмомъ больше на криминалистическихъ конгрессахъ, нежели въ тюремной практикѣ: „Такъ какъ всякій человѣкъ предполагается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не объявленъ виновнымъ, то если признано необходимымъ его арестовать, всякая суровость, которая не была бы необхо-

дима для обезпеченія (присутствія) его личности, должна быть строго воспрещена закономъ“.

Вліяніе англійской и сѣверо-американскихъ конституцій явственно сказалось въ духѣ и смыслѣ этихъ трехъ статей. Въ Англіи, гдѣ съ давнихъ поръ власть привыкла считаться съ привычками населенія къ законности, борцы за свободу всегда боролись противъ малѣйшей возможности произвола въ дѣлѣ арестовъ и старались обставить эти функціи государственной власти самыми точными и опредѣленными формами, ибо законныя формы въ Англіи даже въ худшія времена Карла I много значили. Во Франціи—онѣ ровно ничего никогда не значили, особенно же въ дѣлѣ арестовъ, и декларация впервые рѣшила положить этому конецъ.

Свободы совѣсти не было при старомъ режимѣ, при которомъ совершенно естественными событіями являлись и вареомеевская ночь, и мученія гугенотовъ при Людовикѣ XIV, и казни Каласа, и тысячи аналогичныхъ, хоть и менѣе извѣстныхъ фактовъ. Статья X, въ моментъ, когда вырабатывалась декларация, могла показаться очень важной и нужной не только прежде преслѣдуемымъ религіямъ, но и послѣдователямъ господствующей церкви, ибо революціонныя страсти явно направлялись уже противъ католицизма и его служителей: „Никто не долженъ быть беспокоимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ“. Любопытно, что эта статья вызвала при ея обсужденіи и редактированіи цѣлую бурю въ собраніи: идея свободы совѣсти туго проникала во многіе умы. Слово „даже“, введенное во время дебатовъ въ текстъ статьи, вызвало оживленную критику и показалось нѣкоторымъ вполне неумѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе дѣло было сдѣлано: свобода совѣсти, которой долго и напрасно требовали философы просвѣтительной эпохи, была (впервые въ такой полной мѣрѣ) провозглашена въ торжественномъ законодательномъ актѣ. Драгоцнѣйшія гарантіи принципу свободы какъ религіозныхъ, такъ и всякихъ иныхъ убѣжденій даются слѣдующей (11-й) статьей:

„Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ цѣнныхъ правъ человѣка. Итакъ, всякій гражданинъ можетъ говорить, писать, печатать свободно, но отвѣчая за злоупотребленіе этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ“.

Свобода печати разсматривалась старымъ режимомъ (и, конечно, вполне съ его точки зрѣнія логично и правильно), какъ нѣчто совершенно несовмѣстимое съ царившими порядками и общественными отношеніями. Комментаторъ очень кстати напоминаетъ безсмертную фразу Фигаро: „Лишь бы только я не говорилъ въ своихъ писаніяхъ ни о власти, ни о культѣ, ни о политикѣ, ни о морали, ни о людяхъ, занимающихъ мѣста, ни о

корпораціяхъ, пользующихся довѣріемъ, ни объ оперѣ, ни о другихъ спектакляхъ, ни о какомъ-либо лицѣ, имѣющемъ къ чему-либо отношеніе, я могу все свободно печатать подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ“. Съ этимъ положеніемъ вещей и пожелала покончить приведенная статья „Декларація“. Никакая цензура, ни предупредительная, ни карательная немислимы при осуществленіи принциповъ „Деклараціи“. Что касается до злоупотребленій печатнымъ словомъ, то борьба противъ клеветы и диффамачіи по мысли послѣднихъ словъ статьи, должна быть обставлена строго законными формами, и, какъ вполнѣ явствуетъ изъ текста другихъ статей „Деклараціи“, эта борьба не можетъ вестись иначе, какъ судебнымъ порядкомъ.

Образованный людьми для охраны ихъ правъ государственный союзъ не можетъ обойтись безъ силы, при помощи которой онъ только и можетъ осуществлять свои функціи. Авторы „деклараціи“ живо чувствовали всю сложность и деликатность этого вопроса,—вопроса о вооруженной силѣ государства. Вотъ что говорятъ они въ 12-й статьѣ:

„Гарантія правъ человѣка и гражданина обусловливаетъ необходимость государственной силы: итакъ, сила эта установлена для общей выгоды, а не для пользы тѣхъ, кому она ввѣрена“. Комментаріи Блюма опустимъ, не взирая на весь ихъ интересъ; впрочемъ, каждую букву этой статьи исторія комментировала вполнѣ достаточно. Вопросъ о силѣ, естественно, приводитъ къ вопросу о матеріальныхъ средствахъ государства, на которыхъ эта сила содержится. Статья 13-я говоритъ: „Для содержанія государственной силы и для издержекъ на администрацію необходимо всеобщее обложеніе; оно должно быть равно распределено между всѣми гражданами, сообразно съ ихъ средствами“. Эти слова не только осуждаютъ вопіющую неравномѣрность обложенія, но они прямо требуютъ установленія подоходнаго налога. Правда, классовые интересы буржуазіи до сихъ поръ не позволили этой статьѣ цѣликомъ войти въ жизнь, но принципъ, провозглашенный „Деклараціей“, недоступенъ съ истинно-демократической точки зрѣнія никакимъ нападеніямъ. Бюджетныя права націи, столь прямо вытекающія изъ принципа народнаго суверенитета, опредѣляются 14-й статьей: „Граждане имѣютъ право констатировать лично или посредствомъ своихъ представителей необходимость государственнаго обложенія, свободно на него соглашаться, слѣдить за его употребленіемъ, опредѣлять его раскладку, облагаемыя имъ цѣнности, правила его сбора и срокъ (на который онъ установленъ)“. Не даромъ „Декларація“, въ общемъ, очень скупая на слова, пустилась въ этой статьѣ въ подробности: страшная неравномѣрность податей и произволъ въ ихъ назначеніи сопрягались при старомъ режимѣ съ самыми ужасающими вымогательствами и злоупотребленіями со стороны

высшихъ, среднихъ и низшихъ агентовъ фиска. Законодатели собранія слишкомъ хорошо знали, что роль фиска въ жизни націи огромна, и чѣмъ тѣснѣе будетъ контроль надъ нимъ общества, тѣмъ больше гарантій противъ возможности грабежа и произвола. Относительно агентовъ фиска, такимъ образомъ, признается необходимымъ ближайшій надзоръ, даже предупреждающаго, такъ сказать, характера; что же касается до отвѣтственности чиновниковъ вообще, то это рѣшается текстомъ 15-й статьи: „Общество имѣетъ право требовать отчета у всякаго должностного лица своего управленія“. Эта статья, какъ и всѣ остальные, логически вытекаетъ изъ общихъ принциповъ, провозглашенныхъ „Деклараціей“: правительство—слуга націи, а не наоборотъ, слуга же безотвѣтственный предъ господиномъ есть вполнѣ очевидная безсмыслица.

Шестнадцатая статья показываетъ, что законодатели напередъ уже считались съ возможностью нежелательной игры словъ и желали предупредить ее: „Всякое общество, въ которомъ гарантія правъ не обезпечена и раздѣленіе властей не опредѣлено, не имѣетъ конституціи“. Наконецъ, 17-я и послѣдняя статья, снова затрагивая вопросъ о правѣ собственности, ограничиваетъ, насколько возможно, право государства конфисковать, или, иначе, отчудить частное имущество: „Такъ какъ собственность есть право ненарушимое и священное, то никто не можетъ его быть лишень, если только общественная необходимость, законнымъ образомъ установленная, явственно этого не требуетъ,—и притомъ подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія“. Послѣдняя оговорка и здѣсь, какъ вездѣ, старается установить границу, на которой принципъ общей соціальной пользы можетъ вступить въ свои права...

IV.

Таковы эти семнадцать пунктовъ, красующіеся теперь на стѣнахъ народныхъ училищъ во Франціи.

Е. Тарле.